

18+

*Я люблю тебя,
Тоник!*

Алина Затонская

Сложные

ЛЮДИ

Алина Затонская

Сложные люди

<https://litres.ru/74286633>

ISBN 9785007061230

Аннотация

«В чем смысл жизни? Мне не хочется думать, что мы — чей-то прикол, марионетки, герои игры в этой огромной всеобщей консоли. Мне так же не хочется верить, что жизнь создана для страданий и потерь. Мне кажется, я когда-то знала ответы на все свои вопросы, но потом забыла, что ли. Будто бы в детстве мне всё давалось куда проще».

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	37
Глава 12	39
Глава 13	40
Глава 14	42
Глава 15	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сложные люди

Алина Затонская

© Алина Затонская, 2026

ISBN 978-5-0070-6123-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Много думать — вредно!, говорил мне мой дед. Классный был дед, суровый, правда, но это даже его красило. Только я вот совсем не догоняла, а почему, собственно, много думать вредно? Можно подумать, мало думать — куда полезнее. Вот живешь ты себе, живешь, не включая мозги, а потом понимаешь, как... помираешь в груди того, чего вообще не хотел. Ну и что тогда? Это же нельзя считать выигрышем. Это, простите, проеб высокого масштаба.

Подобные мысли, буквально обо всем на свете, стали посещать меня все чаще и чаще по мере моего взросления. И уже где-то лет в 20 я прочувствовала каждой фалангой пальца, насколько же мой дед был прав!

Больше всего на свете я люблю Толика, и меньше всего на свете люблю себя. Даже не знаю, что меня в нем так зацепило, но, кажется, после встречи с ним я стала замечать жизнь.

— Привет! Ты чего тут стоишь?

(Прервало мой внутренний монолог внезапное появление Толика)

— Тебя жду!

— А, точно. Ну не суть. Ты знаешь, о чем я подумал?

— Как всегда о какой-нибудь фигне?

— О яблоках.

— Ну я же говорю, о фигне.

— Да при чем тут фигня. Ты вообще когда-нибудь задумывалась о том, что их недооценило человечество?

— Ну настолько в экзистенциально-яблочные думы я не пускалась. Если честно, я уже неделю думаю о папаше.

— Снова запой?

— Ага. В этот раз белку поймал. Как же меня это задолбало.

— Хочешь, у меня останешься? Я матери скажу, она тебе комнату соорудит.

— Давай. Что ты там про яблоки говорил? Чувствую, надо разрядить обстановку, я и так сама себя уже достала.

— Пойдем в кофейню засядем, по пути расскажу.

— Погнали.

Перед нами стояла огромная очередь, будто бы все резко уверовали в пользу айс-латте на каком-нибудь кокосовом молоке и решили заказывать его бидонами без перерыва и выходных. Толику нормально, а меня это бесит. Меня в целом люди бесят. И я себя бешу. В этом у нас с миром гармония. Его разговоры. Такие тупые, а местами даже ничего... в

общем, не был бы он моим кармическим братом, втюрилась бы по уши.

— Ты знаешь, водянистые яблоки хуже смерти.

— А? Что говоришь?

— Ну яблоки. Водянистые. Безвкусные такие. Ты когда их кусаешь, ты же как ребенок на Новый год, ожидаешь подарок под елкой. Сладкий такой, чтоб ломился от конфет. Чтоб спрятаться от родителей, когда они уже того, готовенькими будут, и сожрать все в один присест. А потом еще и в детском садике похвастаться, сколько ты конфет в одну харю... и ничего тебе за это не было. Так и с ними.

— С кем?

— Ну с яблоками. Ты ждешь от них феерии вкуса, ждешь этой живой сочной мякоти. Ждешь, когда укусишь и почувствуешь жизнь, понимаешь.

— Эmmm, нет

— Бесчувственная ты скотина, вот что!

— Толь, я тебя боюсь, ха-ха. Ты об этом мне хотел рассказать?

— Именно!

Очередь начала продвигаться. Перед нами осталась всего одна девушка: роскошно одетая, не брезгующая брендовыми шмотками, в общем. Если честно, я таких побаиваюсь. Видимо, сама хочу на нее походить, но внутренняя колхозни-

ца с нулем на карте пока побеждает. Она заказала... что она заказала, ща, не расслышала. А, ну прекрасно... «латте на кокосовом с тростниковым сахаром и крошкой печенья». В глубине души... хотя, какая у меня душа, ей неоткуда взяться. В глубине башки парировало: «Ну ты и зажралась, подруга!».

Фу, сейчас от самой себя стало противно!

— Нам два маленьких капучино, спасибо.

До сих пор, когда делаю заказ, чувствую себя максимально уязвленной. Будто бы надо тотчас оправдаться за то, что я в таком красивом месте, недостойном меня. Как же хорошо, что Толик не дает паскудным мыслям комплексующей меня по поводу и без взять верх.

— Слушай, Толь, ты когда-нибудь считал себя мразью?

— О, хороший вопрос. Ты это вчерашним фильмом вдохновилась, да? Я вот тоже от реплики героини в восторге...

— Нет. Это не метафора вовсе. Я серьезно. Мне кажется, что я самый ужасный человек на свете. Не всегда так кажется, но от этого не легче.

— Ну ты юлишь сейчас. Вот этот вот пафосный слог. Говори прямо, чего натворила?

— Я жду, когда он умрет.

— Кто?

— ...

— Ладно, я тоже придуриваюсь. Понял я, понял. Ты об отце?

— Да. Черт, я такая сволочь! Я просто не могу уже, понимаешь. Я не желаю ему зла, просто... просто... эти пьянки, блевотня по всему дому. Мне кажется, без него будет легче. Да ему самому будет легче переродиться. Наверное, после смерти мы все перерождаемся. Не знаю только, хорошо ли это?

— Ты знаешь, мне вообще кажется, что тема смерти переоценена. Это так естественно, как сходить в пятерочку, понимаешь. А мы себе мозги этим делаем.

— То есть думаешь, я не так плоха?

— Неа. Ты реалистка. Я реалист. Вот поэтому мы и терпим друг друга так долго.

— Это кто ещё кого терпит, а?

— Да классный тандем у нас, классный! Пошли уже, на электричку опоздаем.

Я сделала вид, что этот разговор меня успокоил. Но в глубине души так и продолжила считать себя бесчувственной мразью, желающей смерти собственному отцу. И даже побои от него не давали мне оправдаться перед самой собой.

Глава 2

Толика на парах сегодня не было, не было там и меня. Формально я присутствовала. Телом. А об остальном история умалчивает. Интересно даже, где он? Обычно не пропускает. Я, если честно, поражаюсь его стойкости в этом сумасшествии. Он даже конспекты ведет, прекрасно осознавая, что они ему не пригодятся. НИ-КО-ГДА. Я же не могу так себя обманывать и предпочитаю ходить сюда только потому, что поступила на бюджет. Это порой греет душу посильнее столовской еды, которую я присыпаю жгучем перцем, чтобы хоть как-то дать ей шанс отправиться в мой желудок. Бедность она, знаете, весьма оригинальна. Ты, конечно, можешь раз в месяц выпить капучино в хорошенькой такой кофейне, чем мы с Толиком, собственно, занимаемся. Но вот оставшиеся 29 дней сидишь в лучшем случае на гречке... ладно, че я разнылась, нормально всё. Нормально.

Отчего-то я чувствую сверлящую тревогу. Будто что-то случилось, о чем я по наивности своей или глупости своей ещё не догадываюсь. В последний раз мои чувства меня не обманывали, и я была вынуждена терпеть очередной сюрприз от папаши. Не люблю я сюрпризы. Очень не люблю.

Глава 3

Странно как-то. Не могу до него дозвониться. Наверное, пропадает там в своих мирах. Это ж надо было связаться с физиком! Толик порой меня поражает. Физика, математика и всякая подобная дрянь... не понимаю, как можно на полном серьезе любить такое? Мне хочется, чтобы у него получилось. Чтобы он сбежал отсюда за лучшей жизнью. Чтобы был ученым, шишкой какой-нибудь многоуважаемой. И чтобы надрал задницу всем алкашам подзаборным в нашем убогом районе. Он обещал поступить в Москву. И меня забрать туда заодно. Ну чтоб веселее было. Еще он предлагал обеспечивать меня до конца моих дней. Но это лишнее, я в содержанки не набивалась. Мы же друзья, а не парочка из какого-нибудь очень плохого сериала.

Я в себя не верю. А Толик в себя верит. И в меня верит. Наверное, если бы его рядом не было, я бы совсем приуныла. Ну или покончила с собой. Хотела сказать аккуратнее, а говорю, как есть. Жизнь моя всегда была бессмысленной и беспощадной, но Толик упорно пытается убедить меня в обратном. Классный он. Я иногда думаю, что у него за спиной крылья, ну или нимб над головой. Ну потому что таких людей не бывает. Мы же все жалкие мелочные душонки. О заднице своей только беспокоимся и всего. Вот лично я, если честно, в переходах нищим бабкам копейки не подам. А

Толик подает. Толик иногда всю зарплату может просрать на какого-нибудь бездомного. Я так не умею. Мне и нечем. Но, если честно, это больше отговорка. Мне и не хочется подавать. А он это делает так легко, будто бы родился, чтобы быть светом в беспросветной темной жопе. И все-таки странно, что я не могу до него дозвониться.

Глава 4

Толик отсыпался после ночной. Ума не приложу, как он решился работать на заправке. Нет, не заправщиком.

Поваром.

Вернее, представить только, он жарит огромные неказистые чебуреки из хер пойми чего для дальнобойщиков, ну и всяких приезжих, уверовавших в свои желудки, то есть в собственное бессмертие. Когда-нибудь ему прилетит за протухший фарш, но он не воспринимает мои слова всерьез. Говорит, начальство приказывает работать безотходно, а за списанную вонючую просрочку штрафует.

Удивительно в Толике уживается помощь бездомным и абсолютнейшее вредительство тем, кто осмелился поужинать на заправке. Но ему простительно, он ради матери всё. Была б моя мать такой, я бы тоже все для нее сделала. Видели бы вы тетю Женю, тоже так бы подумали. Бывают же нормальные семьи. Удивительно даже как-то. Мне такое не знакомо.

На пары мы все-таки пошли. Толику нравится. А, я уже об этом говорила. Ну а мне греет душу то, что мы оба на бюджете. Хоть что-то поимею с государства, и на том спасибо.

Больше всего на свете я люблю бесить Толика. Это сделать не сложно, достаточно всего лишь отвлечь его от какой-нибудь очередной наискучнейшей, по версии меня, лекции по физике. Он взрывается на меня, но не может устоять от сплетни или какой-нибудь очередной дискуссии, которую я со стопроцентной вероятностью вкину, дабы скрасить себе будни.

— Толя-я-я...

— Тише, не отвлекай, я записываю.

— Ну Толь, ну будь человеком!

— Потом!

— Хм... ты знаешь, я постоянно спотыкаюсь о конечность времени.

— Не начинай!!!

— Вот хожу по «пятерочке» и думаю: черт, скоро снова шампунь закончится. Но так тратиться на него не хочется, я же знаю, что жизнь нифига не вечна. И будет ли завтра?

— Тсс...

— Мне бы лучше эти деньги на айс-латте сегодня оставить, понимаешь? Вот и что делать то, ты мне скажи!

— Ну всё, Анька, ты меня вывела!

Во-первых, у каждого человека есть свой срок годности. И я уверен, что внутренне каждый знает, когда умрет. От

этого и надо отталкиваться.

Во-вторых, да, время субъективно, а на квантовом уровне вообще не линейно ни разу. Но в любой науке есть множество допущений и нам, как людям, имеющим мозги, нужно просто поверить в будущее, свою жизнь в настоящем и в планы на то самое завтра, тем самым как бы давая кредит доверия самой жизни, понимаешь? Ну и не просто так же кроме тактического мышления есть и стратегическое. А сколько методик планирования бизнеса, к примеру! И все они тоже образец кредита доверия тому, что жизнь кончается не завтра. Мы люди, нам важно жить не только сиюминутными порывами и бестолковой концентрацией на гребаном моменте. Сама посуди, мозгу важно выращивать новые нейронные связи, а это возможно только при планировании и действиях за пределами привычной рутины и пресловутого сейчас. Понимаешь?

— То есть шампунь покупать, да?

— Да.

Через секунду нас с позором вывели из аудитории за громкие разговоры. Толик злился на меня еще полдня, а мне пришлось помимо шампуня потратиться и на мармеладных медведей. Его любимых. Это помогло. Это всегда помогает. Он иногда как маленький ребенок, честное слово. Я даже порой завидую его детской непосредственности и вере в жизнь,

которую он смог сохранить в свои 20 с хвостиком. Мой же восторг от мира прошел, когда мне было лет шесть.

— Нет, я все-таки не понимаю, почему бы тебе не перевестись на другой факультет? Ты же мучаешься здесь, я же вижу!

— Толь, там везде платка. Ну или доплачивать, или досдавать предметы.

— Ну так досдай, я тебя знаю, ты сможешь!

— Как-нибудь потом, есть еще время. Мне тут разрулить проблемы бати надо...

— Ну, как знаешь...

На самом деле я хотела сказать, что очень-очень боюсь людей и эту жизнь. И что из-за Толика, единственного, кстати, кто когда-либо со мной дружил, готова терпеть физмат и участь получения абсолютно бессмысленного для меня диплома. Как же хорошо, что я промолчала. А то он подумает, что я в созависимой дружбе с ним, ну или просто сталкер под очень хорошим прикрытием. Меня бы это отпугнуло...

Глава 5

Настроение паскудное сегодня. Отец испортил. Как обычно, в общем. Я уже даже не злюсь, а просто считаю дни до отъезда в Москву. Мы поклялись с Толиком, что после защиты дипломов свалим на первой же электричке. Он будет обивать пороги научных сообществ, а я притворюсь мертвой и просто не буду ему мешать. Вообще он в тайне надеется, что Москва вдохнет в меня силы и сыграет с моей самооценкой в какую-то там лучшую сторону. Есть у него гипотеза, и я бы даже сказала, совсем не глупая гипотеза, что пафосная Москва портит только тех, у кого завышенное самомнение и склонность вести себя с людьми, как помещик с крепостными. В моем же случае я больше крестьянка, и потому мне просто жизненно необходимо переместиться в место покруче и выдавить, словно надоевшую черную точку на лбу, из себя раба. Он верит, что я не дура. И даже талантливая не дура, и что мне просто нужно посмотреть на то, как живут другие люди. Я уже даже не спорю с ним, все-таки я действительно ничего, кроме бати алкаша и его собутыльников, а также задолбленной жизнью матери не видела. Наверное, мне действительно может помочь столица.

Толик опять сегодня сонный на парах. Он пытается делать

вид, что с ним все в порядке, но я же вижу. Сто раз ему говорила бросить эту адскую работу! Я подрабатываю, мы сможем накопить на Москву без этих ублюдских чебуреков на не менее ублюдской заправке с откровенно говоря странным контингентом. Он боится умереть в нищете. Я же боюсь бессмертия. Мы разные. Поэтому, наверное, мы всё еще терпим друг друга.

— Толь!

— А?

— Ты когда уволишься?

— Эта тема закрыта, мы же договорились.

— Ты просираешь свое время там. А руки свои видел? Что-то я не помню, чтобы уважаемые ученые ходили с волдырями от раскаленного масла.

— Мне не грозит многоуважаемость.

— Ясно. Мы сегодня поменялись тараканами в голове. Ты в фазе «я дерьмо, моя жизнь никчемна, так ничего и не добьюсь!»?

— Есть немного. А ты сегодня в хорошем настроении, я смотрю.

— Правильно смотришь. Толь, вали с этой работы, я тебя прошу!

— Ань, пиши конспект давай, не отвлекайся.

— Да пишу я, пишу.

В университете мне нравится только столовая. Порази-тельно, как в государственном учреждении так себе масшта-ба все-таки умудрились позаботиться о наших желудках. Я польщена, правда. Я, если честно, после школы пару лет отойти не могла. Знали бы вы, сколько раз я травилась в школьной столовке! Зачем тогда продолжала туда ходить, спросите вы. Эх, простое человеческое, паскудное: я была бесплатником из малоимущей семьи, и потому перспектива поесть хотя бы что-то за ноль рублей застилала мне глаза и, видимо, закрывала носовые пазухи, чтобы не слышать вонь дешевых сосисок и чуть окислившихся макарон. Сама в шо-ке, что макароны могут окислиться. Казалось бы, они вхо-дят в категорию самой неприхотливой дешевой еды, которую невозможно испортить и невозможно довести до состояния полу-смерти. Они же вечно хранятся! Но, как показывала практика, думать так было тотальной ошибкой.

— Толь, а я тебя угощаю сегодня!

— Ого, котлета с пюрешкой мне подарена мирозданием сегодня? Ха-ха. А чего так? Я что-то не знаю о твоих крип-тосчетах?

— Не, ну че ты угараешь! Я сейчас передумаю!

— Ладно-ладно, не злись. Правда, откуда деньги?

— Говорю же, подрабатываю.

— На трассе? Ха-ха, прости, сегодня шутки за триста.

— Да я вижу, говорю же, эти недосыпы и заправка на тебя плохо влияют. Репетитором, Толь. Уже как полгода.

— М-да, я совсем из жизни выпал.

Наш скучнейший диалог прервало уже до боли знакомое.

— Че стали, оплачивать будете? Вон очередь после вас какая!

— Конечно, тётъ Нин. Вот 300 рублей за двоих, ага.

Под возмущения поваров в спины и без «приятного аппетита» мы двинулись в сторону единственного свободного столика у окна с видом на строящийся корпус нашего университета, который мы, конечно же, не застанем, ведь выпустимся быстрее, чем до нас дойдут блага цивилизации. Всё в нашем захолустном городе движется крайне медленно, и я даже не представляю, каково это — жить в комфорте, тепле и красоте. Я не утрирую сейчас. В нашем старом корпусе так холодно зимой, да и осенью, да и всегда. Трещины в стенах никогда не оставляют кабинеты без сквозняков, а мерзотнейшая плесень, окутавшая большую часть помещения, словно щупальца какого-нибудь дерзкого кальмара, приправляет эту мертвяцкую холодину ещё и запахом старой бабки, ну или деда, ну, или мокрой тряпки... в общем, вы меня поняли. Иногда мне это даже нравится. Ощущаю себя в морге.

И перестаю чего-то требовать от жизни и себя. Какие могут быть требования к мертвецам? Вот и я о том же.

— Толь, знаешь, что я подумала?

— Надо завязывать с пюрешкой. Два килограмма набрал за неделю, прикинь!

— Да? А по-моему, ты дрыщ. И эта работа из тебя все соки высасывает... всё, молчу.

— Так что ты там подумала?

— Страшно как-то в Москву ехать. В никуда. Тут хоть и хреново, но это болото знакомое такое, а кому мы там нужны будем?

— Не похоже на тебя. Ты же вроде не боишься, помнишь, говорила мне.

— Ну да, как бы не боюсь, но если логику включить...

— Логика для трусливых! Логика для тех, кто к хаосу жизни повернуться своей рожей стесняется.

— О как. Неожиданно от тебя, Толь. А мне нравится твой запал! Ну, значит, справимся?

— Ань, мы всегда справлялись. Всё, завязываю с углеводами. Пошли, у нас лабораторная.

— Черт, а можно я притворюсь камнем и ты один все сделаешь?

— Ну естественно, не напрягай свои гуманитарные мозги, ты и без физмата их насилуешь ежедневно.

— Да не говори...

Глава 6

Какой-то амбал чуть не сломал ему руку. Черт, как же я зла! Даже не знаю, на что больше: на этот гнилой провинциальный город, на то, что он всё ещё не уволился или на то, что я ничего не могу с этим сделать? Иногда мне кажется, что ради Толика я могу надрать кому-нибудь зад! А, кстати, я и надирала. Но это долгая история, как-нибудь потом расскажу.

Сегодня мозг мне выносила мать. Они с отцом делают это шедеврально и по очереди. Уговаривает меня поехать к её сестре, позаниматься с её сыном бесплатно. Видите ли, я должна готовить этого переростка-второгодника к ЕГЭ в его 27, ведь я же племянница и родственная душа, а они такие бедные и несчастные во всех смыслах!

Я презираю свою мать. За то, что она треплет всем о том, что у нас образцовая семья с хорошим достатком. И что я на своем репетиторстве гребу несметное бабло. Так было с самого детства. Мы поддерживали этот гребаный фасад благополучия. Правда, прогнившего благополучия, но об этом не знал никто. Ей было стыдно даже с подругами говорить о зависимостях отца, о том, что мы иногда растягиваем пачку гречки на неделю, разгребая долги папаши из-за его мании

к картежной жизни. И самое главное, что я никак не могу ей простить: когда на день рождения мне давали деньги и я, знаете, в этот момент своей детской головой с воодушевлением просчитывала, сколько я могу купить себе конфет, наконец, матушка била меня по рукам, приговаривая: у нас всё есть, не надо, спасибо! Может поэтому мне иногда физически бывает больно брать деньги за свою работу. Кажется, я разгадала эту загадку со звёздочкой от бессознательного.

Есть еще одна причина, по которой я мечтаю, чтобы мать забыла о моем существовании, и я не поехала к ее сестре. Но, наверное, об этом я всё-таки промолчу...

Пары сегодня тянутся неимоверно мучительно. Хорошо, что я не слушаю. Я не смогла противостоять матери и теперь вынуждена составлять уроки для теткинго сына-второгодника. В такие моменты я себя ненавижу. Не знаю, как я в Москве жить собралась? Кажется мне, что там уж точно пригодятся личные границы. Мы все сейчас такие дофигища умные, косим под проработанных психотерапией. Я, понятное дело, таких денег на психологов не имею и довольствуюсь подкастами, мелкосортными видиками и псевдо-интеллектуальными книгами, но пока так и не научилась говорить такое волшебное и живительное «нет».

— Толь!

— Да ищу я новую работу, ищу.

— Вообще я не об этом хотела, но... правда что ли?

— Да!

— А где? А какую? А когда свалишь с заправки?

— Ну, если всё сложится, через месяц буду на кафедре лаборантом.

— Ого, серьезно? И ты молчишь!

Блин, ну вот, на самом интересном нас прервал какой-то хрен! А, ой, препод. Ну для меня они все одинаковые. Напыщенные люди средних лет, возомнившие себя гуру точных наук. Я каждый раз думаю: вот если вы такие гении, которыми хотите казаться, чего вы всю свою жизнь штаны в провинциальном вузе просираете? Это же как проклятие: всю жизнь говорить на лекциях одно и то же. Если бы я хотела покончить с собой и при этом помучаться, выбрала бы именно этот способ.

Ладно, мне пора заткнуться, а то очередное выкидывание нас за шкуру из аудитории Толик не переживет. Да и лекция сегодня интересная, даже я что-то да записала в свою тетрадь «для всего». Ну и если честно, сегодня я не готова тратиться на мармеладных медведей. Мне еще за свой счет на другой конец города ехать к теткинному второгоднику.

Глава 7

Мне страшно оставаться с ним наедине. Если бы он был просто второгодником-тугодумом, это одно. Но он лет с десяти сильно покуривает сами знаете что, и от его мозга давно ничего не осталось. Это как сидеть за столом с бешеной собакой, заведомо зная, что если вдруг она на тебя нападет, тебе даже уколы от бешенства поставить будет некому, ведь в этом городе больница скорее имитирует саму себя, оставаясь как бы декорацией из картонных стен снаружи и не менее картонных врачей внутри.

Матери плевать на мою тревогу. Она вообще потеряла связь с реальностью, мне кажется. Все-таки терпеть мужа алкаша — та еще история, не для слабонервных. Хотя, если честно, она же его и споила. Но это долгая история, раньше так хотелось во всем разобраться и всем помочь, теперь же стало абсолютно безразлично на их грязное белье. Укатим с Толиком в Москву, станем на ноги, если получится, буду им денег присылать. Со временем, может мать сама захочет из этого дерьма выбраться. А так, я будто со стенкой разговариваю, ну или с детьми малыми. Наверное, все родители такие. Наверное, проблема отцов и детей неспроста живет себе десятилетиями. Наверное, я пойду подышу на балкон, невозможно с этой семейкой находиться.

— Вить, я на балконе постою. А ты пока правило правописания приставок повтори, на ЕГЭ точно встретятся.

— Че?

— Вторую страницу открой, буквы почитай, полезно будет.

— А, ща.

Иногда мне кажется, что моя жизнь похожа на сериал, где я... нет, не главный герой, а та самая страшненькая подружка главной героини. Той самой нереальной красотки, у которой все деньги мира, поклонники, успешные родители и в целом ванильная жизнь. Ладно, я просто завидую. Ладно, отдохнула, воздухом подышала и обратно к этому переростку. И кстати, от него постоянно пахнет отрыжкой. Думаю, это можно считать весомым аргументом, чтобы слиться через пару занятий.

Глава 8

Черт, от меня отвалились все клиенты. Такое уже было один раз, но потом все вроде как наладилось само. В этот раз на мне проклятие какое-то. Главное, чтобы Толик не узнал, а то ведь останется на этой сраной заправке-чебуречной, чтобы мне помочь. Я его знаю... сердце его добрующее знаю! Он же безобидный такой, он же... он же рубашку последнюю отдаст... ладно, проехали. Хотя нет, я не договорила.

Я не знаю, кто ему вбил это в голову, но он впрягается за меня по каждому малейшему поводу. Я уже менее уверена в том, что кармических братьев и сестер не существует. Иногда мне кажется, что мы сиамские близнецы, честное слово. И ладно бы, если б он делал себе мозги только моим настоящим и будущим, но он же буквально ходит и пылесосит проблемы всех, кто попадаетея ему на пути. Не думаю, что это что-то здоровое. А может, я просто отвыкла от бескорыстной доброты. Мы все в мире от этого отвыкли. Вот вы вообще когда в последний раз не шарахались от улыбки на лице абсолютно незнакомого вам человека? Лично я от такого стараюсь держаться подальше. Кто знает, что у него на уме? Да и почему он вообще улыбается, жизнь у него удалась что ли? Бесит аж. Наверное, все-таки с Толей всё нормально, это у меня не все дома.

А кстати, у меня реально дом пустует. Мать повезла отца зашивать, даже деньги откуда-то добыла на хорошую клинику. Надеюсь, она не пошла на панель ради этого. Я её знаю, она женщина отчаянная. Когда-то они вцепились в эти отношения, так и продолжают попивать кровищу друг друга, только на людях делают это вполне себе сносно, тонко потягивая кровь из трубочки. Ну, я уже рассказывала, что мать бережет фасад семейства и уверенно делает вид, что не замечает, как на работе её жалеют коллеги, как у подъезда её купают в одобряющих мученичество взглядах бабки-соседки и с каким презрением смотрит на неё отец в надежде, что она свалит и даст ему уже набухаться раз и навсегда. Это её игра, я перестала вовлекаться.

Глава 9

Пустоту я выдерживать не умею, видимо. Почему-то мне казалось, что если все свалят из дома, я заживу жизнь мечты хотя бы на пару часов. Но я, напротив, готова была оставлять следы ногтей в обоях, только бы чем-нибудь себя занять. Только бы уgomонить этот бесконечный ворох мыслей. Толя, зараза, пропадает в лаборантской. Он еще не начал там работать, а на него уже повесили миллиард дел. Ну как обычно, нашли раба бесплатно. Почему-то старшее поколение всё еще мыслит в иерархической системе, рассматривая мое поколение детьми, которым время от времени нужно давать понять, что они здесь тупые недоростки.

Вообще, когда мне невыносимо, я разговариваю с иконой. Да, это звучит либо крайне упаднически, что аж хочется пожалеть меня. Уверяю, не стоит, не тратьте время. Либо невероятно сакрально. Опять-таки, не тратьте время.

Ну, она хотя бы на меня не катит бочку. Молчит, что вполне себе логично, это же икона, но ощущение такое, что тебя понимают.

Толик, когда об этом узнал, ржал с меня целый месяц. Пока я сама его за подобным не застукала. И все-таки верить во что-то человеку крайне необходимо. Мне кажется, для этого придумали и искусство, и науку, и религию, и пугалки всякие. Выбирай, что нравится и живи в этом. Только никого не

трогай, ну это было бы идеально.

И все-таки я задолбалась сидеть в полу-пустой комнате и разговаривать сама с собой. Пойду докучать Толику. Хотя почему докучать? Может, я единственное, что внесет в его скучный день хотя бы нотку веселья. Не думаю, что всякие приборы или что там у него в лаборантской смогут составить конкуренцию моей болтливости.

— Может ли рыба заболеть морской болезнью? (Я сначала поржала, а потом как подумала... Я даже так вам скажу, прямо-таки загрузилась. Опустилась на дно этих мыслей. Стало не по себе.).

— А если существует... ну не ржи! Ну гипотетически существует рыба, которую буквально мутит от места, в котором она обитает. И что тогда, получается, природа сыграла с ней, как паскуда последняя? Ей же не переехать, как нам с тобой! Да че ты ржешь?! Всё, я закрываю рот и больше не скажу ни слова! Вот и сиди тут в своей скучне-е-е-й-шей лаборантской один!

— Ну ладно тебе, не злись! (пытался заткнуть меня Толик).

И делал это, как и всегда, крайне дилетантски. Злиться на

него я не умею, но все-таки подуюсь слегка, а то чего у меня вместо личных границ — забор, который растоптал слоняра.

Глава 10

Сегодня Толика снова не было на парах. Я надеялась сидеть одна, но ко мне как-то уж слишком бесцеремонно подсел красавчик. Я настолько не вовлекаюсь в происходящее на учебе, что даже не знаю всех своих одногруппников, — подумала я, ибо этого красавчика не припомню, чтобы когда-нибудь видела. Однако я зря на себя нагнала, и парочка болтунов из группы поведали мне, что он перевелся с другого факультета. Как-то так получается в нашей шарашкиной конторе, что именно в нашу группу без проблем берут абсолютно всех. Может, он взятку занес, я не знаю, но знали бы вы, какой он тупой... но красивый, тут не поспоришь.

Говорить с моим новоиспеченным соседом было не о чем. Говорю же, он тупой. А я в очередной раз убедилась, что мне крупно повезло когда-то найти Толика! Вообще, это случилось довольно-таки забавно.

Нам было лет по девять. Я в очередной раз сбежала из дома и шаталась где ни попадя. Он же в костюме с бабочкой и в лакированных туфлях прогуливался по нашему захолустью. И явно не вписывался в весь этот антураж. Первое, что он сказал мне, так это: девочка, ты из помойки вылезла, что ли? Где твои родители?

Да, Толян тогда был пафоснее любой шишки. А я со всей дури наступила ему на ногу, показала язык и крикнула: маменькин сынок!

Ну а дальше на эту фразу слетелись дворовые пацаны. Признаюсь в своей паскудности, я знала, что произнеся её, вызову их реакцию, ибо эта фраза была своего рода зазывалой к драке на районе. А мой район, скажу вам, был одним из самых криминальных. Почему был? Он и сейчас такой. И я, к своему великому сожалению, всё ещё обитаю в этой преисподней. Но это мы поправим, не зря же на переезд копим.

Так вот. Сначала я язвительно наблюдала, как Толика мутузят пятеро упитанных пацанов, а потом вступилась за него. Нет, не из жалости. Я таким не занимаюсь. Меня просто в нем что-то зацепило. Говорю же, мы родственные души. Наверное. В то время я действительно одевалась, будто на помойке и выглядела соответствующе, поэтому притворяться розовой зефиркой и хлопать глазками, играя в девочку-девочку, «чтобы с ней дружили», я не имела полномочий. Слишком страшненькая. Тогда же я отдала себя на каратэ, в чем очень даже преуспела в свои девять с хвостиком, ну и раскидала пацанов. Наверное, они просто мне поддались. Но одного из них, самого тощего, я точно собственноручно на лопатки положила. Больше они Толика не трогали. Как и меня. Как и моего отца, свято веря, что это он меня так драться научил. Хотя, чему он меня мог научить, так это орать на маму и ковыряться в пупке. Ну да и бог с ним.

В общем, от ненависти до вполне себе приемлемого общения, а позже и дружбы — буквально один прием каратэ. Так мы стали с ним водиться. Он научил меня одеваться, я научила его парочке приемчиков обороны. Его родители были слишком интеллигентны для наших спальников, и я подумала, что должна вложить в него все самое лучшее, что сама умела. Кстати, я еще и боксом занималась. Потом у его родителей прогорел бизнес, они переехали в засранную однушку со мной по соседству. Ну а дальше мы, кажется, не отходили друг от друга, чтобы не сойти с ума в этих убогих декорациях. Надо сказать, у нас до сих пор неплохо получается.

— Привет всем трудящимся!

— А, это ты. Чего пугаешь?

— Посмотрите-ка на него, тыкает мне! Не поздоровался в ответ! А я, между прочим, всё еще обижена на тебя!

— И пришла сюда, чтобы об этом сказать?

— Толь, да что с тобой? Я конспекты принесла, специально писала их, прикинь. Тебе же это важно.

— Извини. Я просто тут... накосячил, блин. Колбу разбил.

— Вот ту мелкую стекляшку? Да не парься, никто не заметит.

— Да дело даже не в ней. Просто мне кажется, что у меня нет будущего в науке. Я какой-то весь криворукий, тупой.

Не дотягиваю. И это все видят. Все видят в нашей глуши. А что будет в Москве? И вообще, возьмут ли меня там хоть куда-нибудь?

— Мда-а, что-то ты правда загрузился. И что-то мне подсказывает, что ты невероятно мне привираешь. Я бы даже сказала пизд*шь...

— Тихо тебе! Тут преподаватели кругом ходят.

— По кругу? У них что, масонские обряды тут?

— Шутка за сто пятьдесят.

— Ну, блин, какая есть. Я разрядить обстановку пытаюсь. Пойдем гулять! Тебе проветрить мозги надо. Причём уже давно. Ты вообще весь зеленый какой-то! Ты спал?

— Да.

— А ел хоть что-нибудь?

— Да, мам, ха-ха.

— Ой, не кривляйся, Толь. Пошли на воздух.

Лучше бы мы не прогуливались сегодня. Я, если честно, никогда еще не видела его в настолько упадническом настроении. Обычно Толик меня с колен поднимает, приправляя любую жизненную фигню оберткой, будто от самой вкусной конфеты. И жить потом снова хочется! И даже делать что-то хочется! Сегодня же я поняла, что ему не то чтобы плохо, ему очень плохо. А как ему помочь, я не знаю. Совсем не знаю. Может, подговорить какого-нибудь препода, чтобы он за пару тысяч сказал немного добрых слов о том, какой

Толик классный студент и как он подает надежды? Не знаю, не знаю...

Мне кажется, он сейчас как оголенный провод. Я и трогать его боюсь. Просто каждый день кладу ему на парту небольшую пачку мармеладных мишек и отсаживаюсь в конец аудитории. Он сейчас никого видеть не хочет, ни с кем говорить не хочет. И кажется, он не просто разбил колбу. Кажется, он влетел по-крупному, но мне так и не признался в этом. Кажется, нет больше нашей подушки на Москву, нет никаких сбережений и надежд. Я просто буду покупать этих чертовых медведей и надеяться, что он заговорит со мною. Да хотя бы с кем-нибудь заговорит. Пока он всем показывает записку в смартфоне с надписью «я заболел и потерял голос». К нему никаких претензий, всем плевать в этом университете. Но мне не плевать. Мне страшно. И немножечко тоскливо. Но всё наладится. Это же не может продолжаться вечно.

Глава 11

Я зла! Нет. Я очень зла! Я думала, что он уже месяц не появляется в универе, так как что-то изобретает там в своей лаборатории. Ну или просто приводит себя в чувства. Да что угодно, пусть хоть с бабками в переходе милостыню просит. А он... он...

Сколько же это будет продолжаться?

— Ты опять за старое?

— Анька, не капай на нервы, я тебя умоляю. Мне уже от начальства за фритюр прилетело. Прикинь, наорал, что я масло заменил. Ну и трэш. Не знаю, как люди вообще могут есть месиво, которое готовлю. Как сказала бы моя бабушка: «Стряпня! Никакого удовольствия, сплошное разочарование». Ну ладно, она не так поэтично сказала бы, ну ты поняла.

— ...

— Блин. Ты молчишь уже пару минут. Я знаю это лицо. Я знаю этот взгляд. Мне крышка, да, Ань? Ну давай, отчитывай. Тебе же нечем заняться.

— Да пошел ты!

Он целый месяц мне врал. Возможно, я веду себя сейчас как истеричка. Но он мне врал. Я думала, у него депрессия. Или усталость от университетских стен. Я думала, он ушел в себя, чтобы найти эту самую, ну, которой у меня нет и никогда не будет, — душу. Я думала, он вкладывается в будущее! В наше будущее. Счастливое. Богатое. Ну, это не точно, но хотя бы какое-нибудь не лишенное смысла будущее. А он снова на заправке с этими ссаными чебуреками и амбаловидными дальнобойщиками! Он снова тратит свое время на дешевую забегаловку, а свои руки на кипящее масло трехсотлетней давности!

Ведь у нас есть деньги! Я нормально сейчас зарабатываю. Я говорила, что всегда ему помогу. Я умоляла не ходить на ту работу. Он поклялся, что отдаст всего себя науке. Это мерзко. Обманывать меня. Мерзко. И пусть я истеричка, не прощу!

На следующий день я узнала, что Толик отчислился. Я хотела ему позвонить, но не позвонила. Я думала, что всыплю ему по первое число, как остыну. Ну... через недельку. А потом, как всегда, выслушаю его, и мы придумаем, как из этого выбраться. Я закрутилась с учениками и этим репетиторством. И через две недели узнала, что его не стало.

Толик умер. А вместе с ним умерла я.

Глава 12

Мне сказали, его пырнули ножом на заправке. Какой-то упырь. Не из дальнобойщиков даже, которых я всегда боялась. Местный гопник. Да не важно. Кому вообще нужны эти подробности, когда ты понимаешь, что был человек и раз, стерт в пепел. И ты никогда-никогда больше не сможешь его обнять. Ты никогда больше не сможешь развеселить его чертовыми мармеладными медведями. Ты никогда больше не услышишь нравоучений от него и не скажешь чего-нибудь душного в ответ. Ты только увидишь, как вместо него осталась табличка с датой рождения и датой смерти. Проплачешь месяц, два, три, шесть, год. И позже поймешь, что разделить эту боль тебе не с кем. Потому что никто не проживал с нами нашу жизнь. Потому что никто не понимал нас. И самое страшное в этом во всём то, что жизнь продолжилась, а ты в ней как бы и нет. Я застряла где-то между мирами. В одном мы надеялись на будущее, в другом я не надеюсь ни на что.

Мне говорят, что надо продолжать жить.

Мне говорят, что я не его мать и хватит сопли распускать.

Мне говорят, что я совсем с катушек съехала, забив на учебу.

Что с вами не так, люди? Зачем вы это говорите? Я ведь еще подаю признаки жизни. А жаль, что подаю.

Глава 13

Я не появлялась в университете уже два месяца. Хорошо, что всем крайне фиолетово, а отчисляют из этого заведения крайне редко, чтоб не позориться на всю область и держать лицо образцово-показательного вуза с лучшей успеваемостью.

Эти два месяца я появляюсь на работе. На заправке. Ночами. Прямо там, где Толик... ну, вы поняли. Я хочу выследить его. Или её. Не знаю. Говорят, это был упырь. Но может это очередной сексизм.

Я устроилась туда сразу же. Буквально через день после похорон. Мне так было лучше. Ночами я выпиваю несколько энергетиков и пять чашек дешевого эспresso из кофемашины тут же. Я жду, когда у меня уже остановится сердце. Думала, я достигну этого достаточно быстро. В детстве я перболела какой-то херней, врачи сказали, это дало осложнение на какой-то там из клапанов. Мама что-то рассказывала об этом, но я не помню. Помню лишь, что мне кофеин нельзя. Только по особым случаям. Энергетики тем более. Вот я и думала, что наконец-то... но пока не берет. Ничего, я терпеливая, подожду. А пока буду жарить чебуреки. На удивление, на них действительно есть спрос. Ночью. Я рада. Я очень рада. Так я отвлекаюсь. Я очень-очень рада.

Попросила начальника устроить меня и на дневную смену. Он покрутил пальцем у виска. Говорит, что вообще не понимает, как я каждый день в ночь выхожу?! Тут парни спят на ходу, а я справляюсь. Ну, он не знает о моей мотивации, пусть и не знает дальше. Я все-таки хочу устроиться хоть куда-то в день. Чтоб 12 часов там, 12 на заправке. Может, быстрее сдохну, чего так сильно себе желаю! Мне кажется, никогда еще я не была с собой так солидарна, так заодно и слаженно. Понимаю, о таком вряд ли рассказывают. А мне плевать. А мне уже терять абсолютно нечего.

Глава 14

Всё бы получилось, но меня будто что-то за волосы с колен поднимает и не даёт... уйти в мир иной или чем у нас в обществе принято приправлять это действо? Будто бы, если не назвать вещь своим ублюдским именем, она тебя не коснётся. Ну да, конечно. А я вот не понимаю. А зачем? Зачем меня на земле держат?

Начальник запретил мне пить кофе и энергетики. Теперь он буквально следит за мной. Говорит, жалко ему меня. А чего он Толика не жалел?

В университете за меня впрягаются. Подбадривают, когда я раз в неделю там все-таки появляюсь. Лабораторные списать дают. Я их даже не прошу. Этим обычно Толик занимался.

Качок с последней парты в друзья набивается. Я послать его стесняюсь, просто улыбаюсь, как дура. Почему дура? Потому что мою кривую измученную рожу надо видеть. И эта рожа пытается натянуть на безжизненную пожелтевшую кожу признаки жизни.

На самом деле, спасибо моему начальнику. Это правда как-то странно и мучительно так себя убивать. Я так не думала, мне это Толик сказал. Нет, я не чокнулась. Просто снился мне, там и сказал. В своей манере, как он умеет. Я уже не помню сон целиком, но врезалось в память: « ты это, ну че

сопли развела? Помнишь же, как я говорил: смерть — это так же естественно, как сходить в пятерочку. Ну встретимся же, ну ты меня еще успеешь задолбать. И я тебя. Давай там мозги себе не делай. Прорвешься!»!

Стыдно перед ним стало. Я во сне хотя бы выглядела нормально. В жизни же сейчас похожа на торчка при смерти. Зря я себя так запустила, наверное. Надо выбираться, черт возьми, надо.

Поражает только одно: где вы все были раньше со своей страной поддержкой? Где вы были, когда Толик загибался на этой работе? Где вы были, когда видели, как нам плохо в наших семьях? Где вы были, когда он стучался в закрытые двери долбанных научных сообществ?

Люди меня убивают собственной слепотой. А я говорила? Нет, не сказала ещё.

Какие-то шишки сделали для него грамоту «лучшему студенту» и какой-то диплом «лучшему лаборанту», приписав чуть виновато внизу мелким шрифтом «вручено посмертно». Да в жопу вы это себе засуньте, вот что! Кому это нужно теперь?

Слепые, завистливые мрази. Они же не давали Толику пробиться в Москву. Я сама слышала, как высказывали что-то в духе «ну он провинциал, денег и связей особо нет, да пусть у нас тут на кафедре будет, зачем вам он там». Толик тоже это слышал. Потому ходил сам не свой. Они ему крылья

обрезали, а он на них ишачил. И на заправку гребаную ишачил. И теперь я там ишачу. Не от энергетиков, так от переработок сотру себя с лица земли... короче, плохо мне, вот что.

Глава 15

[прошло 3 месяца]

Нет, не лечит. Время не лечит.

Но он опять мне снился. Если честно, всю неделю. Просил меня остановиться себя доканывать. Настойчиво просил. Я его таким сердитым никогда не видела. Наверное, он прав. Толик вообще редко когда ошибался. Наверное, ему что-то «там» известно. Хотя мы оба не верили в Бога, но разговаривали с иконами, да. Не верили, но, видимо, верили. Не знаю я, в общем.

Может быть что-то да существует. Во всяком случае, теперь я на это надеюсь. В последнем сне он прям ругался. И я больше не хочу его расстраивать. Да и, честно говоря, нет в этом никакого смысла. Завтра уволюсь. Приведу себя в порядок хоть немного. Подстригусь, наверное. Вот прям под мальчика. Вот прям чтоб с волосами все проблемы отпустить. И перекрашусь. В блондинку. И губы сделаю. Чтоб самой себя не узнать. Может легче станет. Может мозг подумает, что перед ним в зеркале другой человек. И не было у неё никакого прошлого. И нет никаких проблем. А впереди только светлое будущее. Ну хотя бы просто будущее. С маленьким солнечным лучом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.